

Петухова Татьяна Николаевна

канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО Уральский институт ГПС МЧС России

г. Екатеринбург, Свердловская область

ТЕРРОРИЗМ И ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. (К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ВЫСШЕГО ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ)

***Аннотация:** автор исследует проблемы женского терроризма в России конца XIX – начала XX вв., акцентируя внимание на взаимосвязи радикального движения женщин с возможностью получения образования. Автор подчеркивает, что наряду с другими причинами, террор против властей оказался единственным путем для женщины с общественным темпераментом проявить свою социальную значимость.*

***Ключевые слова:** женский терроризм, народовольцы, эсеры.*

Одним из драматических социальных явлений в Российской империи во второй половине XIX века, вне сомнения, является женский терроризм. Женщина, которой природой предусмотрено рождение детей и связанная с ним радость материнства, добровольно и иступлено ценою своей жизни стремится уничтожить жизнь конкретных, с её позиций провинившихся, людей. В чем причина такого радикального выбора? В каких социальных условиях оказалась женщина, уже не только домохозяйка, но еще не вовлеченная в политическую, экономическую, правовую и др. сферы. И каким образом женский терроризм связан с образованием в России?

Среди террористических организаций второй половины XIX в. выделяется «Народная воля», которая за три года своего существования совершила ряд резонансных терактов, в том числе убийство генерал-губернатора Петербурга, шефа Третьего отделения генерала Мезенцева, царя Александра II и т. д. В Исполнительный комитет «Народной воли» первого состава, состоявший из 29 человек,

входило 10 женщин, среди которых Вера Засулич, Софья Перовская, Вера Фигнер, Гесья Гольфман. Отстаивая принцип равенства, женщины участвовали в подготовке террористических актов наравне с мужчинами. Следует отметить покушения входивших в «Народную волю» Марии Кутитонской на забайкальского губернатора Л.И. Ильяшевича, Марии Калюжной на начальника Одесского жандармского управления полковника А.М. Катанского. Попытку возродить «Народную волю» и организовать цареубийство предприняла София Гинсбург, приговоренная в 1890 г. к смертной казни, замененной Александром III на вечную каторгу. При этом, общество поддерживало идеи и методы народовольцев, которые вдохновляли не одно поколение террористов как в России, так и за рубежом.

Преемниками народовольцев стали эсеры, которыми с 1901 по 1911 г. проведено 263 террористических акта. Жертвами индивидуального террора становятся видные чиновники: 2 министра, 33 генерал-губернатора и вице-губернатора, 16 градоначальников, начальников окружных отделений, полицмейстеров, прокуроров, 7 генералов и адмиралов, 15 полковников, 8 присяжных поверенных. Известная американская исследовательница женского терроризма Эми Найт отмечала, что из 78 членов боевой организации эсеров 25 женщин [1].

В этом контексте и предлагается рассмотреть взаимосвязь образования и женского терроризма в России. Кроме социальных и политических причин активного участия женщин в радикальном движении середины XIX – начала XX века, существуют и гендерные – женщины, активные и самодостаточные, не имели возможности поступать в университеты, их профессиональная карьера ограничивалась только сферой преподавания и медицины, и то не в полном объеме.

Несомненно, каждый случай, индивидуален, но Эми Найт проанализировав биографические данные 44 эсеровских террористок, пришла к выводу, что их отличает более высокое социальное происхождение и более высокий образовательный уровень, нежели их товарищей-мужчин. Так, из 40 террористок, чье социальное происхождение удалось установить, 15 были дворянками или дочерьми

купцов, 4 происходили из среды разночинцев, 11 – из мещан, одна была дочерью священника и 9 родились в крестьянских семьях.

Согласно исследованиям Эми Найт, относительно мужчин высок и образовательный уровень женщин-террористок – 11 имели высшее образование, 23 – среднее, еще 6 – домашнее, и лишь 3 – начальное; одна назвала себя самоучкой. Среди террористок 9 учительниц и 8 студенток, лишь 4 неквалифицированных рабочих [4]. В 1906 году средний возраст составлял 22 года.

Вероятно, высокий социальный статус и образовательный уровень подталкивал женщин, вступивших на путь революционной борьбы, выполнить один из призывов П. Л. Лаврова – «вернуть долг народу», посвятив себя делу его освобождения. Участие в революционной борьбе – во имя равенства и справедливости – предполагало принесение в жертву личного счастья, личных интересов и, возможно, жизнь.

В исследованиях женского терроризма выдвигалась версия религиозной основы революционерок-народниц и их преемниц – эсеров: изменился объект, но не изменилась структура религиозного чувства, место Бога занял народ [5]. Ради народа культивировалась жертвенность.

Немецкий исследователь М. Хилдермейер справедливо замечает, что в эсеровских декларациях террористические акты получали дополнительное оправдание с помощью моральных и этических аргументов. Убийства объяснялись не политическими причинами, а «ненавистью», «духом самопожертвования» и «чувством чести». Метание бомб провозглашалось «святым делом». Террористами восхищались, как «великомучениками» ради благого дела.

У части женщин-террористок жертвенные мотивы прослеживаются особенно явно. Например, член Боевой организации Мария Беневская, будучи верующей, оправдывала свою деятельность библейскими религиозными текстами, а не программными партийными документами. Перед казнью Евстолия Рогожинникова, застрелившая начальника Главного тюремного управления А.М. Максимова, писала, что она вступила на путь терроризма из чувства долга и любви к людям. Дора Бриллиант вызывалась сама выйти с бомбой на Плеве или

великого князя Сергея Александровича; несмотря на неизбежность наказания. «Беззаветное самопожертвование, спокойное сознание неизбежности своей гибели – такова была самая яркая отличительная черта всей этой группы», – писала о товарищах по Боевой организации Валентина Попова в своих воспоминаниях [3].

Итак, исследователи женского терроризма подчеркивают, что женщин-террористок отличает стремление к знаниям, независимости и равенству. В 1871–1873 гг., вспоминала П.С. Ивановская «из нашей клерикальной школы... целой группой учениц было положено начало движению к женскому образованию, женской независимости и раскрепощению» [2].

Итак, проблемы женского терроризма напрямую связаны с ограниченной возможностью женщин получить высшее образование и реализовать уже полученные знания (в случае окончания образовательного учреждения) в профессиональной деятельности.

Следует отметить, что впервые вопрос о женском образовании в России возник во второй половине XVIII в. В 1764 Екатерина II утвердила «Генеральное учреждение о воспитании юношества обоего пола», ставшее основой правительственной сословной системы образования. Начало среднему женскому образованию положило открытие в 1764 г. Смольного института благородных девиц (для дочерей дворян) и при нем в 1765 г. училища для девушек из мещан. В 1786 были открыты 4-классные Главные училища в губернских городах и 2-классные Малые училища в уездных городах совместного обучения. До 1796 в них обучалось 12 595 девочек (в 13 раз меньше, чем мальчиков). К середине XIX века в России насчитывалось 36 закрытых женских институтов и училищ сословного характера: «Училище для дочерей чинов Черноморского флота», «Девичье училище военно-сиротского дома» и др.

Образовательная программа предусматривала для девочек привилегированных сословий «светское» воспитание: обучение хорошим манерам, французскому языку, началам наук, для девочек низших сословий – профессиональное образование. Недостаточное количество женских учебных заведений привело к

появлению в России большого числа частных женских гимназий, где высокая плата за обучение обеспечивала строго сословный состав учащихся. С конца 50-х – начала 60-х гг. создаются воскресные школы совместного с юношами обучения (в 1862 они были закрыты правительством, вновь открыты лишь в 80-х гг.).

В период буржуазных реформ 60-х гг. XIX века в России появляются открытые женские заведения для всех. Однако эти новые веяния в образовании вскоре были пресечены рядом правительственных мер: в 1862 уволен К.Д. Ушинский, много сделавший для изменения программ обучения на посту инспектора Смольного института, в 1867 отстранен от заведования гимназиями Н.А. Вышнеградский, по проекту которого в 1858 в Петербурге было создано первое бессословное семиклассное женское училище (Мариинское) и несколько бессословных гимназий Министерства народного просвещения (по Положению 1870 г. они имели семь основных и восьмой педагогический класс); сокращены по сравнению с мужскими гимназиями и реальными училищами программы по естественным наукам. С 1843 учреждались для дочерей священников епархиальные (шестилетние) училища, в которых большое внимание уделялось религиозно-нравственному воспитанию и изучению ремесел. К концу XIX в. имелись 142 женских гимназии Министерства народного просвещения (в том числе 28 частных и 29 мариинских). К 1 января 1915 было 913 женских гимназий и 88 прогимназий (3-классные училища, созданные по уставу 1870 г.).

Впервые вопрос о высшем женском образовании был поднят в конце 50-х гг. XIX в. С 1859 г. женщин допустили в качестве вольнослушательниц к посещению лекций в университеты. Под влиянием передовой общественности (А.Н. Бекетов, Д.И. Менделеев, И.М. Сеченов) в 1869 г. были открыты Аларчинские курсы в Петербурге и Лубянские в Москве, в 1870 г. – Владимирские высшие курсы для мужчин и женщин в Петербурге, в 1872 г. – Высшие женские курсы профессора В.И. Герье в Москве. В 70-е гг. высшие женские курсы были созданы в Казани, Киеве, Одессе. Особенно большую роль в развитии женского образования сыграли Бестужевские курсы в Петербурге (1878 г.).

Движение за высшее женское образование, размах индивидуального террора вызвало недовольство правительства. В мае 1873 г. всем женщинам, занимавшимся в Цюрихском университете и политехникуме (более 100 чел.), было предложено возвратиться в Россию до 1 января 1874 г. В 1875 г. прекратилось чтение лекций на Владимирских курсах. Однако, уже в начале XX века, в 1903 г. в Петербурге на базе женских педагогических курсов при Мариинской гимназии был открыт женский педагогический институт, в том же году – частные естественнонаучные курсы, в 1904 г. – первые высшие женские сельскохозяйственные курсы; в Москве в 1906 – женские юридические курсы, в 1908 – агрономическая школа. Высшие женские курсы существовали также в Киеве, Харькове, Одессе, Казани, Варшаве, Тифлисе, Новочеркасске и Томске.

В период революции 1905–1907 гг. женщинам вновь был разрешен доступ в университеты в качестве вольнослушательниц, но потребовалась длительная борьба передовых людей России для того, чтобы хотя бы всем ранее принятым в университеты женщинам было разрешено кончить курс. С 1908 г. женщины даже в звании вольнослушательниц в университеты не допускались, и лишь в 1911 г. был издан закон о праве женщин на высшее образование в медицинских, педагогических и некоторых других учебных заведениях. В декабре 1912 г. – январе 1913 г. в Петербурге по инициативе Всероссийской лиги равноправия женщин проходил 1-й Всероссийский съезд по женскому образованию. Однако в силу неравноправного положения женщины проблема женского образования в полном объеме не могла быть решена. Подавляющее большинство женщин, особенно на национальных окраинах, оставалось неграмотным или малограмотным.

Таким образом, женщины дворянского сословия стремились к равенству образовательному и социальному, и, вследствие малодоступности высшего образования, доказывали равноправие с мужчинами в революционной деятельности, самозабвенно жертвуя собой.

Нравственный тупик заключался в том, что революционное насилие оказалось единственным способом противостоять всестороннему произволу властей,

в том числе препятствующих образовательной и профессиональной деятельности женщин.

Возможностей реализации в какой-либо иной сфере, кроме семейной, у женщин не было: они лишены избирательного права, бизнесом, согласно гражданскому праву, заниматься также не могли. Высшее образование для большинства женщин малодоступно. Революционный кружок – практически единственный выход. Членство в нем позволяло увидеть многое, что будило в юных женщинах сострадание и желание помочь: лютую нищету крестьянских семей, голодных детей. Так что дело революции – террор против властей – оказалось и благим, и единственным путем для женщины с общественным темпераментом проявить свою социальную значимость.

Список литературы

1. Бессонова С.И. Женский терроризм: «бескорыстные убийцы» // Молодой ученый. – №3 (62). – 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/62/9295/> (дата обращения: 22 ноября 2017).
2. Брейтбарт Е. «Окрасился месяц багрянцем», или подвиг святого террора [Текст] // Континент. – 1981. – №28.
3. Будницкий О.В. Женщины-террористки: политика, психология, патология [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.nnre.ru/istorija/_zhenshiny_terroristki_rossii_beskorystnye_ubiiicy/index.php
4. Knight Amy. Op. cit. – P. 144–145.
5. Пантин И.К. Революционная традиция в России [Текст] / И.К. Пантин, Е.Г. Плимак, В.Г. Хорос. – М., 1986. – С. 226–236.